

Св. Тереза Авильская

Размышления на Песнь Песней

Источник: "Символ", N14, Париж, 1985.

Тереза да Ахумада, вошедшая в историю западной духовной жизни под именем Терезы Авильской, родилась 22 марта 1515 г. в испанском городе Авила в дворянской семье. Дедом ее был купец еврейского происхождения из Толедо, принявший христианство, а крестным отцом - брат первого вице-короля Перу. Вся жизнь Терезы Авильской прошла в Кастилии. Это была эпоха, отмеченная двумя важными событиями - началом протестантской Реформы и концом Тридентского Собора.

С раннего детства отличаясь благочестием, в 1535 г. святая Тереза в возрасте двадцати лет вступает в Кармелитский Орден. Когда ей минуло сорок лет, она под воздействием Божьей благодати решила провести в своем Ордене реформу. Ей удалось основать тридцать два монастыря с обновленным Уставом. И хотя жизнь святой проходила очень деятельно, Тереза Авильская сумела тем не менее достигнуть вершин духовного созерцания. Простое речение из Символа веры - "...Его же Царствию не будет конца..." - наполняло ее душу неизреченной радостью. Ей пришлось претерпеть немало физических и нравственных страданий. Будучи одной из образованнейших женщин своего времени, Тереза Авильская с необычайной ясностью раскрыла в своих писаниях тайны духовной, подвижнической жизни. Ее перу принадлежат "Автобиография", "Путь к совершенству", "Внутренний дворец" и другие книги, множество писем. Скончалась она 4 октября 1582 г.

Святая Тереза - первая женщина, которую Церковь в 1970 г. причислила к лику Учителей и Наставников духовной жизни.

Пролог - Как Господь дал святой Терезе открыть сокровища, сокрытые в "Песни песней".

Уже несколько лет я получаю великое духовное утешение всякий раз, когда слышу или читаю некоторые слова из "Песни песней" Соломона, настолько, что и без ясного понимания латыни, непереуведенной на испанский язык, моя душа чувствует себя при этом более сосредоточенной и более затронутой, чем при чтении многих иных очень

благочестивых и понятных мне книг. Это у меня весьма обычная вещь. И если потом хотят объяснить мне по-испански смысл этих слов, то я понимаю их не больше, чем прежде... За последние года два Господь дает мне, в меру моих потребностей, некоторое понимание части этих слов. И мне кажется, что они принесут утешение тем из моих сестер, которых Господь наш ведет по тому же пути, и утешат меня саму. Смысл, который Господь давал мне открыть в них, бывал порой настолько значительным, что мне хотелось его не забывать. Теперь, согласно мнению лиц, которым я обязана повиноваться, я напишу кое-что из того, что Господь открывает мне о смысле, заключенном в этих словах, так нравящихся моей душе. Я буду иметь в виду молитвенный путь, которым, повторяю, Господь ведет монахинь этих монастырей, являющихся моими сестрами.

Глава 1— Благоговение, с которым надлежит читать слово Божие в Писании и в особенностях в "Песни песней".

Меня весьма поражало, что душа своим способом высказываться говорит здесь как будто с одним лицом и просит мира у другого. В самом деле, она говорит: "Да лобзает он меня лобзанием уст своих!" — и сразу же после этого добавляет, обращаясь как будто к тому, с кем она находится вместе: "Ласки твои лучше вина" (гл. 1, ст. 1). Я этого не понимаю и нахожу большое удовольствие в этом непонимании. В самом деле, дочери мои, весьма верно, что душа должна меньше восхищаться теми вещами, которые постижимы для наших столь низменных умов, чем теми, в смысл которых нам невозможно вникнуть по той причине, что первые внушают ей меньше восторга и благоговения перед ее Богом. Итак, вот важный совет, который я даю вам. Читая какую-нибудь книгу, слушая проповедь или размышляя о тайнах нашей святой веры, не утруждайте себя, не истощайте свой ум, вдаваясь во многие тонкости относительно того, чего вы по-настоящему не можете понять. Есть столько вещей, которые выше постижения женщин и даже мужчин! Когда Господу угодно даровать им понимание, он это делает без усилия с нашей стороны. В настоящий момент обращаюсь я к женщинам, а также и к тем мужчинам, которые не призваны подкреплять истину своим учением, ибо относительно тех, на которых Господь возложил обязанность объяснять ее нам, ясно, что они должны углубляться в нее и извлекают из этого великую пользу. Мы же будем в полной простоте принимать то, что Господь дает нам, и не будем утомляться в поисках того, в чем он нам отказывает. Лучше будем радоваться, думая о том, что у нас такой великий Бог и Властелин, что в каждом из его слов заключены тысячи тайн, из которых мы не понимаем даже и азов. В этом не было бы ничего удивительного, если бы речь шла о латинском, еврейском или греческом тексте, но и с испанским текстом дело обстоит так же. Если говорить об одних только псалмах преславного царя Давида, то сколько вещей, переведенных на наш язык, остаются для нас такими же темными, как на латыни! Поэтому тщательно избегайте утомления, истощения ума и не стремитесь вникнуть в эти вещи. Женщинам ничего не нужно больше того, что соответствует их разумению. С этим Бог будет милостив к ним. Когда его Величию будет угодно дать нам больше, мы достигнем понимания этого без усилия с нашей стороны. Что же касается всего остального, то смиримся и будем радоваться тому, что у нас такой великий Властелин, слова которого, даже на нашем языке, непонятны.

О том, что, читая слово Божие, мы должны к благоговению присоединять смирение.

Вам, может быть, покажется, что некоторые вещи, встречающиеся в этих "Песнях", могли бы быть выражены по-иному. Принимая во внимание нашу грубость, я не удивилась бы, если бы это пришло вам на ум. Я даже слышала от некоторых людей, что они избегают их слушать. О Боже, как велика наша немощь! С нами случается, как с теми ядовитыми животными, которые превращают в яд все, что едят. Когда Господь по великой своей благодати дает нам познать, что происходит в любящей его душе, когда он поощряет нас к

беседе с ним и к радости быть в его обществе, мы вдруг пугаемся и придаем его словам такой смысл, в котором выявляется слабость нашей любви к нему. О Властелин мой! как мало пользуемся мы всеми благами, которые ты даровал нам! Твое величие ищет всевозможных путей, средств и изобретений, чтобы дать нам познать свою любовь к нам, а мы так плохо проникаемся этой любовью, что не придаем ей большого значения. Как новички в этой науке, мы позволяем нашим мыслям направляться к тому, на чем они останавливаются обычно, и не углубляемся в великие тайны, которые заключает в себе речь, автор которой — Святой Дух! Того, что эта речь — от него, разве не должно быть достаточно, чтобы воспламенять нас его любовью и убеждать нас в том, что он воспользовался ею не без глубокой причины?

О великом благе, которое могут приносить душе слова Священного Писания.

Я знаю души, получившие от этих слов такую великую пользу, такое обильное утешение, такое ощущение безопасности среди своих страхов, что они громко благословляли Господа за то, что он дал такое спасительное средство тем, кто любит его горячей любовью. Они благодарили его за то, что он таким образом дал им понять, что Божество действительно может нисходить до такой степени. Их личный опыт не был достаточен для того, чтобы изгонять страх, когда Господь наделял их высокими милостями, но эти слова "Песни песней" ясно говорили им о том, что они шли верным путем. Знаю одну из них, многие годы подвергавшуюся очень острым боязням и не находившую успокоения ни в чем до того дня, когда Бог позволил ей услышать некоторые места из "Песни песней", которые дали ей понять, что ее душа была на верном пути. Да, повторяю, она поняла, что душа, охваченная любовью к своему Супругу, может в своих отношениях с ним испытывать все эти утешения, этот упадок сил, эти смерти, горести, услады и радости, после того как она из любви к нему отказалась от всех мирских удовольствий, полностью предоставила себя ему и отдалась в его руки не на словах только, как бывает с некоторыми, но действительным образом, доказанным делами. О дочери мои, как великолепно оплачивает Бог наш! У вас такой Властелин и Супруг, от которого ничто не ускользает, который знает все, видит все. Потому и не упускайте делать из любви к нему то, что в вашей власти, хоть бы это и были сущие мелочи. Он вознаградит вас за это, взирая только на любовь, с которой вы будете это делать. На этом я заканчиваю. Когда вам встретятся в Священном Писании или в тайнах нашей веры такие вещи, которых вы не понимаете, не останавливайтесь на них, как я вам только что сказала. Что же касается нежных слов, выражающих то, что происходит между Богом и душой, не пугайтесь их. Любовь, которую Бог проявил к нам и еще проявляет, удивляет меня намного больше и действительно выводит меня из себя, когда я думаю о том, что мы такое. Раз эта любовь существует, то ясно, что дела Божьи даже превосходят нежность слов, которыми он нам о ней объявляет. Прошу вас, дойдя до этого, остановитесь на мгновение из любви ко мне: поразмыслите о любви, которую явил нам Бог, о том, что он сделал для нас, и вам станет ясно, что такая могучая, такая сильная любовь, побудившая претерпеть столько страданий, может быть выражена только удивительными словами.

Цель, преследуемая святой Терезой в этом писании: драгоценная польза, которую душа может получить, размышляя о слове Божьем.

В этих словах содержатся, вне всякого сомнения, великие вещи и глубокие тайны, да, весьма драгоценные вещи, ибо когда я просила богословов объяснить мне, что хотел высказать этим Святой Дух и каков истинный смысл этих слов, я услышала от них в ответ, что учителя веры составили об этом длинные трактаты и не могли это определить.

Могут счесть, что я весьма горделива, желая дать вам некоторое из своих объяснений, но не то я имею в виду. Как бы ни была я лишена смирения, я не претендую передать точный смысл этого. Мое намерение заключается попросту вот в чем. Поскольку я нахожу отраду в том, что Господь дает мне понять, когда приводят какой-либо отрывок из этой книги, то и вы, быть может, получите такое же утешение, слыша об этом от меня. Возможно, что слова, о которых идет речь, не относятся к тому, что я говорю, но я воспринимаю их в этом смысле. При условии не отклоняться нисколько от того, чему учат Церковь и святые, - а ведь эти страницы до того, как вы их читаете, были обстоятельно рассмотрены сведущими в этих вопросах богословами, - Господь наш, думаю я, позволяет поступать так. Дозволяет же он нам, когда мы размышляем о Страстях, представлять себе гораздо больше горечи и мук, чем сообщают Евангелисты! При том условии, как я сказала в начале, чтобы не любопытство руководило нами, но мы просто принимали бы свет, который проливает нам его Величие, я уверена, что он не найдет ничего дурного в наших поисках радости и улады в его словах и его делах.

Мысли святой Терезы о словах "Да лобзает он меня лобзанием уст своих". Сколь изумительна благость Божья, позволяющая нам просить этого лобзания.

В тексте, который я привела в начале, Супруга, как мне кажется, обращается к третьему лицу, тому самому, о котором она говорит. Этим она дает понять, что есть две природы в Иисусе Христе, одна Божественная и другая человеческая. Я не задерживаюсь на этой мысли, потому что намерена ограничиться тем, что может быть полезно нам, предающимся молитве, - хотя душа, горячо любящая Господа, во всем находит поводы ободряться и восторгаться. Как ведомо его Величию, если я иногда и слушала комментарии к некоторым из этих слов или мне их объясняли по моей просьбе, то было это редко, и память моя так плоха, что я не запомнила из этого ровно ничего. Оттого и я буду в состоянии сказать только то, чему меня научит Господь и что имеет отношение к моему предмету. К тому же не помню, чтобы я когда-либо слышала что-то об этих первых словах: "Да лобзает он меня лобзанием уст своих". О Господь мой и Бог мой! что это за слова, с которыми червь обращается к своему Создателю! Будь благословен, Господи, просвещающий нас столь многими способами! Но кто осмелится, о Царь мой, произнести такие слова, если ты этого ему не дозволишь? В самом деле, это так изумительно, что, наверное, удивятся и тому, что я советую это делать. Скажут, что я советую это делать. Скажут, что я слишком наивна, что не таков смысл этих слов, что у них много иных значений, что очевиднейшим образом мы не должны обращать их к Богу — и что, следовательно, простым людям отнюдь не подобает заниматься подобным чтением. Признаюсь, что эти слова можно понимать весьма по-разному, — но этим не занимается душа, возгоревшаяся такой любовью, от которой она вне себя. Хочет она вот чего: произнести их, раз Господь ей этого не возбраняет. О Боже, отчего нам удивляться? Разве действительность не еще более восхитительна? Разве не приступаем мы к Святейшим Дарам?

Лобзание, которого просит Супруга, это знак мира, и его можно понять как Евхаристию и Воплощение.

Я даже задавала себе вопрос, не просит ли здесь Супруга Иисуса Христа об этой милости (Евхаристии), которую он нам даровал впоследствии. Также задавала я себе вопрос: не просила ли она того столь тесного единения, в которое Бог вступил с нами, сделавшись человеком, той дружбы, которую он тогда завязал с родом человеческим? Действительно, не трудно видеть, что лобзание — это знак мира и тесной дружбы между двумя лицами. Да будет угодно Господу помочь нам понять, как много существует разновидностей мира!.. Таким образом, эти слова, понятые буквально, могли бы действительно испугать,

если их произносить хладнокровно. Но тому, кто вне себя от твоей любви, ты позволяешь, Господи, обращаться к тебе с этими и с другими словами. Признаю, что это смелость. Но, о Властелин мой, если лобзание означает мир и дружбу, то отчего не просили бы тебя души даровать их им? Можем ли мы обратиться к тебе с молитвой лучше той, которую я возношу к тебе, Господь мой, в настоящий момент, прося тебя даровать мне этот мир "лобзанием уст твоих"? Это, как вы увидите, дочери мои, прошение очень возвышенное.

Глава 2 — Святая пространно рассуждает об умиротворенности души. - Ложная умиротворенность рабов мира сего.

Да сохранит вас Бог, дочери мои, от разного рода умиротворенности, встречающейся у мирских людей! Да не попустит он, чтобы мы когда-либо услаждались ею, ибо она порождает бесконечную войну. Есть род этой умиротворенности, которым услаждается раб мира сего, когда он, погрязший в тяжких грехах, ведет такую мирную жизнь и пользуется среди своих пороков таким спокойствием, что не ощущает никаких угрызений совести. Это спокойствие, как вы, наверное, читали, есть знак дружбы между бесом и им: оттого бес и остерегается воевать с ним в этой жизни. И действительно, существуют люди настолько злые, что во избежание этой войны, а вовсе не из любви к Богу, они готовы принять слегка Божью сторону. Но те, кто ведет себя так, никогда не бывают устойчивы в служении Ему. Как только бес замечает, что в них происходит, он снова дает им нравящиеся им удовлетворения и этим возвращает их к дружбе с ним, но до тех пор пока не овладевает ими в тот момент, когда дает им хорошенько понять, до какой степени ложен был покой, который он им оставлял. Этим людям не скажешь ничего. Пусть они сами устраиваются! Надеюсь на благость Господню, что среди вас не будет такого великого зла.

Ложная умиротворенность неверных монахов.

Бес мог бы дать нам и другую умиротворенность: ту, которую ощущают среди легких провинностей. А между тем, дочери мои, пока продолжается наша жизнь, мы должны бояться и никогда не быть в спокойствии относительно самих себя. Когда монахиня начинает распускаться в вещах, которые сами по себе не кажутся очень тяжелыми, и при длительности этого состояния не чувствует угрызений совести, то это дурной мир, из которого бес может увести ее еще и в другой, воистину отвратительный. Например, дело тут в каком-нибудь отступлении от уложений, которое само по себе не есть грех, или в какой-нибудь небрежности при исполнении распоряжений настоятельницы. Я готова допустить, что в этой небрежности нет лукавства, но в конце концов, так как настоятель замещает нам Бога, мы должны давать себе труд исполнять его повеления — для этого мы и поступили в монастырь. Я могла бы сказать то же самое о множестве встречающихся мелочей: они не кажутся грехами, а все же это провинности. Не спорю против того, что эти провинности будут происходить неизбежно, ибо немощь наша велика. Я говорю только вот что: когда их совершают, нужно об этом жалеть и понимать, что провинились. В противном случае, повторяю, это может обрадовать беса, и он может мало-помалу сделать душу нечувствительной к этим маленьким упущениям. Говорю вам, дочери мои: когда он добьется этого результата, он тем самым достигнет уже немалого, и боюсь, как бы он не пошел еще дальше.

О том, что для приобретения истинного мира нужно решиться вести войну.

Итак, очень внимательно смотрите за самими собой, прошу вас об этом ради любви Божьей. В этой жизни должна быть война: мы не можем скрестив руки оставаться среди такого множества врагов. Следовательно, мы должны все время бодрствовать и ясно

видеть, как мы ведем себя, будь то внутренне или внешне. Заявляю вам, что сколько бы вы ни получали при молитве милостей от Бога и даров, которые я отмечу в дальнейшем, вам по выходе из этого состояния повстречаются тысячи мелких камней преткновения, тысячи мелких поводов пасть — вам доведется упустить одно по невнимательности, плохо исполнить другое или же подвергнуться внутреннему смятению и искушениям. Я этим не говорю, что борьба должна продолжаться все время или даже только происходить очень часто. Но когда она происходит, это весьма великая милость Божья, и именно так продвигается душа. Мы не можем быть ангелами здесь на земле, не такова наша природа. Поэтому я и не смущаюсь несколько, когда вижу душу, подвергающуюся острым искушениям. Если есть у нее любовь и страх Господень, то она из этого выйдет с большой пользой, это я знаю. Напротив, когда я вижу душу всегда спокойную, без всякой борьбы, — а мне встречались некоторые этого рода, — я всегда боюсь за нее. Даже когда я вижу, что она не оскорбляет Бога, мне не удается успокоиться. Поэтому я сама, если могу, испытываю ее и искушаю, раз бес не делает этого. Моя цель при этом — привести ее к тому, чтобы она видела, что она собой представляет. Однако это состояние спокойствия встречается порой — чему я видела, впрочем, только несколько примеров — у душ, которых Бог возвышает до высокого созерцания, ибо пути его различны. Эти души обладают обычной внутренней удовлетворенностью. Все же я уверена, что они не вполне отдают себе отчет в своем состоянии. Вникая в самую глубину вещей, я замечаю, что у них бывают свои маленькие войны, хотя и редко. Что касается меня, я не завидую таким душам. Действительно, при серьезном рассмотрении я вижу, что те, кому приходится вести борьбу, о которой я говорю, гораздо дальше продвигаются в совершенстве, хотя они, может быть, менее возвышенны в молитве. Не говорю о те, кто, выдержав эту войну в течение многих лет, продвинулись уже очень далеко и в весьма высокой степени умертвили свою плоть: так как они умерли для мира, Господь наш обычно посылает им умиротворенность, что не мешает им замечать допускаемые ими провинности и живейшим образом об этом сожалеть.

О том, что душа через борьбу достигает обладания истинным миром.

Вы видите, дочери мои, что Господь ведет души многими путями. Все же, повторяю, содрогайтесь, когда вы вовсе не будете чувствовать горечи от какой-либо содеянной вами провинности. Что касается греха, даже простительного, то ясно, что о нем вы должны сожалеть до самой глубины души, и, слава Богу, я думаю, даже вижу, что таково именно теперь ваше ощущение. Заметьте то, что я сейчас скажу, и запомните это из любви ко мне. Когда человек жив, стоит только уколоть его булавкой или маленькой колючкой, какими бы крошечными мы их себе ни представляли, как он это почувствует, не правда ли? Так вот, когда душа не мертва, когда у нее, напротив, есть очень живая любовь к Богу, то не великую ли милость оказывает ей Господь, делая ее чувствительной к малейшей провинности, допускаемой ею вопреки своим обещаниям и обязанностям? О, когда Господь наш дарует душе эту внимательность, то можно сказать, что он тогда готовит в ней для себя самого ложе из роз и других цветов и что рано или поздно он непременно придет обласкать ее. О Боже! Мы, монахини, чему посвящаем мы себя в наших монастырях? Для чего покинули мы мир? Какое занятие может быть у нас лучше, чем подготовка в наших душах обителей для нашего Супруга и такого счастливого использования нашего времени, чтобы мы могли просить у него "лобзания уст Его"? Блаженна душа, которая обратит к нему эту просьбу, она не найдет свой светильник угасшим при пришествии Господа и, устав стучаться, не будет вынуждена возвращаться назад! О дочери мои, как велико наше счастье! Никто не может помешать нам обращаться с этой просьбой к нашему Супругу, так как мы избрали его таковым в день нашего пострига! Только мы сами можем этому препятствовать. Пусть щепетильные души поймут меня правильно. Я не имею в виду говорить здесь о какой-либо одной

провинности, допущенной мимоходом, ни даже о нескольких, так как невозможно знать и оплакивать их все. Я обращаюсь к тем, кто очень часто допускает провинности и, считая их пустяками, не обращает на это внимания, не испытывает раскаяния и не старается исправиться. Повторяю, это опасное спокойствие и вы должны его остерегаться. Но что же будет с душами, живущими в этом спокойствии при полном несоблюдении своего устава? Бес, несомненно, делает все, чтобы оставлять их в этом покое, и Бог попускает это по нашим грехам.

О ложном покое, которого мирские люди ищут в преходящих благах. Счастливая монашеская бедность.

Вы могли бы, дочери мои, дать себя прельстить многими разновидностями покоя, который дается миром сим. Укажу на часть из них, после чего вам будет легко догадываться о других. У некоторых людей есть все, что им нужно для жизни, и золото в изобилии имеется в их сундуках. Избегая тяжких грехов, они убеждают себя в том, что удовлетворены во всех отношениях. Свою радость они полагают в своем состоянии и довольствуются тем, что от времени до времени подают милостыню, не думая о том, что их имущество не принадлежит им, но поручено им Господом, как его управляющим, для его распределения между нуждающимися. Они забывают, что им придется дать точный отчет за то время, когда это золото оставалось в их сундуках и не служило к облегчению бедных, которые тем временем, быть может, терпели нужду. Вас, дочери мои, это касается только в одном отношении: молитесь Господа просветить этих людей, чтобы они очнулись от такого самообмана и избегли бы несчастья, поразившего скупого богача, а затем благословляйте его Величие за то, что он сделал вас бедными, и считайте это особым благодеянием с его стороны. О дочери мои! Какое успокоение — оказаться избавленными от подобного бремени, даже с точки зрения только этой жизни! Что же касается обеспеченности, которая проистекает из этого на судный день, она превосходит все, что вы можете вообразить. Богатые это рабы, а вы — хозяйева. Одно сравнение покажет вам это. Кто больше пользуется покоем, дворянин ли, которому подают на стол все, что должно служить ему пищей, и предоставляют все, что нужно ему, чтобы закутаться, или его управляющий, обязанный давать ему отчет в каждом гроше? Первый расходует не считая, потому что добро принадлежит ему. А бедному управляющему достаются все неприятности, и чем больше состояние, тем больше и труд. Когда приходит время представлять свои счета, сколько раз бывает он вынужден сидеть по ночам! А если счета распространяются на несколько лет и, в особенности, ти, если он позволял себе некоторую небрежность, то недочет оказывается порой значительным. Не знаю, как может у него быть спокойствие духа.

Насколько больше покоя находят в монашеской бедности, чем в богатстве.

Прежде чем идти дальше, дочери мои, благословите громко Господа нашего и постарайтесь все быть всё более и более верными невладению ничем в частном порядке. Мы без забот принимаем пищу, которую посылает нам Господь, и так же беззаботно раздаем то, что есть у нас лишнего. Как он наблюдает за тем, чтобы у нас не было недостатка ни в чем, так он заботится и о том, чтобы лишнего у нас было так мало, что нам нетрудно будет его раздавать. Важно то, дочери мои, чтобы мы довольствовались малым. У нас не должно быть таких претензий, как у тех, которым приходится точно отчитываться. Таково положение каждого богача. Однако труд оттого в этом мире достается не ему: это дело его управляющих. Но в том мире — как строго ему придется отчитываться! Если бы он это понимал, он не ел бы с таким удовольствием и не тратил бы свои деньги на пустяки и глупости. Что касается вас, дочери мои, будьте бдительны, чтобы довольствоваться тем, что есть самого бедного как в одежде, так и в пище. В

противном случае вас постигло бы большое разочарование, ибо Бог не удовлетворял бы ваши потребности и вы лишились бы сердечной радости. Старайтесь во всем сохранить верность его Величию. Вы должны трудиться ради хлеба насущного, а не отнимать его у бедных. Нет сомнения в том, что вы не заслужили мира и спокойствия, которые дарует вам Господь, избавляя вас от необходимости давать отчет в своем богатстве. Знаю, что вы в этом уверены, но вы должны иногда воздавать за это особое благодарение его Величию.

О том, что для обретения истинного покоя чрезвычайно важно избегать почестей и похвал.

Что касается покоя, который дается в мире сем возношением почестей, мне нечего вам сказать: бедных никогда не окружают особым почетом. Одно обстоятельство может, однако, принести много вреда, если вы не будете остерегаться: это - похвалы. Когда их начали, то больше уже не останавливаются, — но обычно с тем, чтобы потом еще больше унижить вас. Вам говорят, что вы — святые, и применяют настолько преувеличенные выражения, что можно подумать, что они подсказаны бесом. Думаю, что порой бес действительно принимает в этом какое-то участие, так как беда была бы еще не велика, если бы так говорили в ваше отсутствие. Но когда это происходит в вашем присутствии! Какое благо может от этого проистечь? Если вы не будете очень осторожны в этом отношении, то не будет вам от этого ничего, кроме вреда. Прошу вас ради любви Божьей никогда не относиться миролюбиво к речам этого рода, ибо они могут мало-помалу сильно навредить вам. Принимая их за правду, вы можете дойти до уверенности, что все уже сделано и ваша задача выполнена. Никогда не пропускайте подобных речей без внутреннего сопротивления, - делать это легко, когда это входит в привычку. Помните о том, как мир поступил с Господом нашим Иисусом Христом после того, как превознес его в день его входа в Иерусалим. Подумайте об уважении, которое воздавали святому Иоанну Крестителю, настолько что принимали его за Мессию, и затем посмотрите, как и на каком основании ему отрубили голову. Мир никогда не восхваляет иначе, как с тем чтобы унижить, когда те, кого он превозносит, являются чадами Божьими. На этот счет у меня есть долгий опыт.

О том, что нужно остерегаться спокойствия, порождаемого похвалами и почестями.

Прежде я огорчалась, видя ослепление тех, кто расточал мне похвалы, теперь я над этим смеюсь, как смеялась бы над речами безумного. Помните о своих грехах, а если предположить, что в каком-либо отношении говорят правду, то считайте, что это есть благо, которое не принадлежит вам, и что вы обязаны к гораздо большему. Возбуждайте боязнь в своей душе, чтобы не дать ей спокойно принимать этот ложный поцелуй, который дается миром сим. Верьте, что эта умиротворенность — Иудина. Правда, у некоторых не имеется этого коварного намерения, когда они с вами говорят, но рядом — бес, который за вами наблюдает, и если вы не будете защищаться, он получит некоторую добычу. Верьте мне, вам тогда нужно взять в руки меч размышления,— и если даже вам будет казаться, что в похвале нет для вас ничего неудобного, будьте все же настороже. Восстановите в своей памяти, сколько людей, достигших было вершины горы, теперь находятся в бездне. Нет безопасности в этой жизни. Итак, ради любви Божьей, сестры мои, оторвитесь от этих похвал, поведя борьбу с самими собой. От этого выиграет ваше смирение, тогда как бес, подстерегающий вас, останется посрамленным, так же как и мир сей.

О другом вредном спокойствии, которое порождается исканием удобств.

О спокойствии, в котором нас держит наша собственная плоть, и о вреде; который может от этого проистечь, можно было бы сказать многое. Я удовольствуюсь тем, что укажу вам, как я уже сказала, только на некоторые обстоятельства, из коих вы можете вывести остальные. Наша плоть, как вы знаете, очень любит удобства, и нам следовало бы понимать, как опасно для нас с этим мириться. Я часто размышляю об этом и не нахожу объяснения, каким образом столько спокойствия встречается у людей, так заботливо поступающих с самими собой. Неужели священное тело того, кто есть наш свет и наш образец, заслуживало того, чтобы с ним поступили не так хорошо, как с нашими? Что сделал он, чтобы претерпеть столько страданий? А святые, о которых мы знаем, что они ныне на небе, — разве читаем мы о них, что они вели жизнь, полную удобств? Откуда столько спокойствия, которое мы ощущаем на этом пути? Кто сказал нам, что это верный путь? Как возможно, что мы видим столько людей, мирно проводящих свои дни в упоении хорошей едой, сладким сном, в поисках утех и всяческих удовольствий, какие только доступны им? Я совершенно теряюсь от этого. Глядя на таких людей, можно подумать, что нет другого смысла в жизни или что именно их образ действий наименее тернист. О дочери мои, если бы вы знали, сколько великого зла проистекает из этого! Тело толстеет, но душа слабеет, и если бы нам было дано видеть ее, вы сказали бы, что она при последнем издыхании. Вы найдете во многих книгах описание великих опасностей, которые вызываются таким состоянием. Если бы эти люди еще понимали, что поступают плохо, то была бы некоторая надежда на их исправление, но мне часто кажется, что такая мысль даже не приходит многим из них в голову. Впрочем, это зло так распространено, что оно не столь удивляет меня. Но заявляю вам: каков бы ни был их телесный покой, им необходимо, если они хотят спастись, вести войну с самими собой по всем направлениям. Насколько лучше было бы для них открыть глаза на самих себя и подвергнуть себя постепенному наказанию, чем когда оно однажды будет наложено на них сразу.

Даже и монах должен принимать меры предосторожности против плоти, под предлогом недуга ищущей обманчивого на деле покоя.

Сказала я вам все это, дочери мои, для того, чтобы побудить вас всем сердцем благословлять Бога за то, что живете вы в таком месте, где ваша плоть, даже если бы захотела, не смогла бы воспользоваться покоем в этом отношении. И все же, она еще может тайно вредить вам под предлогом недуга. Поэтому всерьез остерегайтесь. В какой-то день самобичевание будет вам вредно, но спустя неделю, возможно, это будет уже не так. Однажды не воспользоваться тонким бельем покажется вам неудобством, но спустя некоторое время вы легко сможете обходиться без него от случая к случаю. Или рыба окажется вредной для вас, но потом желудок привыкнет к ней и больше не будет от нее страдать. Быть может, вам покажется, ввиду ваших недугов, что все эти предосторожности нужны вам и даже необходимы, но верьте моему опыту: люди не отдают себе отчета в неудобствах, создаваемых применением этих послаблений, кроме случаев настоящей необходимости. Здесь я хочу подчеркнуть ту пользу, которую получают, когда не успокаиваются на дозволенных послаблениях, но от времени до времени испытывают свои силы. Я знаю, до какой степени обманчива наша природа и как полезно нам хорошо знать ее. Господь, по своей благодати, да просветит нас во всех этих вопросах! Великая вещь — поступать мудро и полагаться не на себя самого, но на своих руководителей.

О том, что душа, прося лобзания Господа, должна желать установления искренней дружбы с ним.

Так как Супруга уточняет, какого мира она просит, говоря: "Да лобзает он меня лобзанием уст своих", то ясно, что Господь располагает и иными средствами давать мир и проявлять свою дружбу. Хочу указать вам на некоторые из них, чтобы вы видели, как возвышенна просьба, о которой мы говорим, и какие различия существуют между этими разновидностями мира. О Боже великий! Господь всевышний! Как глубока твоя премудрость! Супруга могла бы сказать: "Да лобзает он меня". Так она выразила бы свою просьбу меньшим количеством слов. Почему же добавляет она: "лобзанием уст своих"? Здесь без сомнения нет ни одной лишней буквы. Какова причина этой настойчивости, я не знаю, — и все же я кое-что скажу вам по этому поводу. Повторяю, что не так уж важно, если наше применение неточно, — будет достаточно, если мы от него получим пользу. Как мы видим каждый день, наш Царь дает мир душам и завязывает с ними дружбу весьма разными способами, как в молитве, так и помимо ее, — но скупы на дружбу с ним мы. Заметьте хорошенько, дочери мои, что для того, чтобы мы могли высказать просьбу Супруги, важнее всего, чтобы Господь приблизил нас к себе. Не будем однако падать духом, если он этого не делает. Какова бы ни была дружба, которую вы завязываете с Богом, только от вас зависит стать очень богатыми. Но какая жалость и какая грусть, если мы по своей вине не получим этой превосходнейшей дружбы Божьей и удовольствуемся только одной из низших ее степеней! О Господи! Можем ли мы упускать из вида конечную награду и забывать о том, что Ты уже здесь на земле вознаграждаешь душу, когда она достигла этой высокой дружбы? Сколько тех, кто мог бы взойти на вершину горы, остаются у ее подножия! Я это часто повторяла вам в некоторых небольших наставлениях, которые я составила для вас, но хочу повторить это снова и настаивать перед вами на том, чтобы ваши мысли были всегда великодушны, — за это вы получите от Господа ту милость, что таковы будут и ваши дела. Это очень важно, будьте в этом уверены.

Стойкость в борьбе совершенно необходима для обретения того покоя, который превосходит всякое чувство.

Существуют люди, которые стяжали дружбу Господню тем, что хорошо исповедались и возымели некоторое раскаяние, но двух дней не проходит, как они возвращаются к прежнему. Вне всякого сомнения, это не та дружба, о которой просит Супруга. О дочери мои, старайтесь не виниться перед духовником все время в одной и той же провинности! Воистину, нам невозможно вообще избежать всякой вины, но пусть они по крайней мере меняются, так, чтобы не пускать корней. Выкорчевывать их было бы тогда намного труднее, и они смогли бы даже породить много других. Когда мы сеем траву или сажаем деревце и поливаем их каждый день, они растут так хорошо, что потом, чтобы от них избавиться, требуются лопата и мотыга. По моему мнению, это то, что происходит, когда мы каждый день совершаем одну и ту же провинность, пусть самую малую, и не исправляемся. И напротив, посадите в землю растение, хоть один раз, хоть десять, и сразу же вырывайте его: сделать это вам будет очень легко. В молитве надо просить у Господа той милости, о которой я говорю, потому что сами по себе мы мало что представляем собою, мы более способны добавлять к своим провинностям, чем уменьшать их. Думайте о том, что на грозном суде, который состоится в час смертный, этот вопрос не покажется маловажным, в особенности нам, которых Всевышний Судия в этой жизни взял себе в супруги. О какое высокое достоинство! Оно вполне таково, что должно побуждать нас все приводить в действие, чтобы удовлетворить Божественному Владыке, нашему Царю. Но вернемся к людям, о которых идет речь: они весьма плохо отплачивают за дружбу, которую он им дарует, раз они так быстро становятся опять его смертельными врагами. О

как велико милосердие Божие! Разве найдем мы когда-либо такого терпеливого друга? Случись такая вещь между двумя друзьями, они никогда не утратят память о ней, и их дружба уже не будет в состоянии быть такой тесной, как прежде. А между тем, сколько раз мы таким образом порываем с нашим Господом! И сколько лет он настойчиво продолжает ждать нас! Будь благословен, Господь мой и Бог мой, за то, что терпишь нас с такой благодатью! Словно ты забываешь о своем Величии, чтобы не наказывать за черную измену так, как она того заслуживает! Состояние этих душ кажется мне очень опасным, ибо — хотя милосердие Божье и есть то, что оно есть, —мы, тем не менее, видим многих людей, так живших, умирающими без исповеди. Дочери мои, да сохранит нас его Величие — я прошу его об этом во имя его самого — от такого опасного состояния!

Душа, испрашивающая истинного мира, должна избегать малейших провинностей.

Есть другая дружба выше этой — та, которая встречается у людей, избегающих оскорблять Бога смертным образом. Дойти до этого значит уже сделать многое, ввиду того, что такое мир сей. Эти люди, хотя и стараются избегать смертных грехов, все же, думаю, впадают в них от времени до времени. Причина в том, что они вовсе не считаются с простительными грехами и каждый день совершают их в большом количестве. Таким образом они живут по соседству с грехами смертными. Я слышала, как многие из них говорят: "Вы на это обращаете внимание? Но ведь есть святая вода и другие средства, которые держит про запас Церковь, мать наша!" Какая жалость! Ради любви Божьей, дочери мои, никогда не позволяйте себе совершить простительный грех, как бы ни был он мал, с мыслью, что есть средство его заглавить. Разве было бы разумно, чтоб какое-либо благо стало для нас поводом к злу? Но когда проступок уже совершен, вспомнить, что такое средство существует, и без промедления его применить - вот это очень хорошо. Великая вещь - всегда иметь такую чистую совесть, чтоб ничто не мешало нам просить у Господа нашего той совершенной дружбы, которой испрашивает Супруга. Несомненно, эта совершенная дружба — не та, о которой мы только что говорили. У многих дружба весьма сомнительна, она ищет самоудовлетворения и приводит к теплохладности. В этом состоянии уже не знают как следует, простительными ли грехами или смертными являются совершаемые поступки. Да сохранит вас Бог от этой дружбы! Говорят самим себе, что не совершают таких крупных провинностей, как те, в которые впадают другие, а ведь считать этих последних очень плохими — уже не свидетельствует о высокой степени смирения. Очень легко может случиться, что эти последние стоят намного больше первых. Свои грехи они оплакивают с большим раскаянием, а может быть, и с твердо принятым намерением, которое приведет их к тому, что они больше не будут наносить никаких оскорблений Богу. Что же касается первых, то, считая себя свободными от подобных провинностей, они станут широко удовлетворять самих себя и будут чаще всего плохо исполнять обязанность устной молитвы, потому что смотрят на это как бы издали.

О том, как важно для сохранения мирного состояния предохранять себя от всякого повода к падению.

Есть другой род дружбы и мирного состояния, которые Господь наш дарует людям, очень твердо решившимся ничем не оскорблять его. Они не вполне избегают опасных случаев, но у них есть время творить молитву. Бог дарует им благочестивые чувства, дарует слезы. Они хотели бы, не отказываясь от земных удовольствий, вести жизнь добродетельную и упорядоченную, и это кажется им даже способом жить более спокойно в этом мире. Но наша жизнь подвержена многим переменам, и уже будет много, если они будут устойчивы в добродетели, не отказываясь от мирских удовольствий и наслаждений, они вскоре начнут допускать распушенность на путях Господних, которых лишит нас стараются

такие могущественные враги. Это, дочери мои, еще не та дружба, которой желает Супруга, и не та, которой должны желать вы сами. Избегайте постоянно всякого опасного случая, как бы ни был он мал, если желаете, чтобы душа ваша росла, и хотите жить в безопасности. Не знаю, зачем я вам это говорю. Наверное, для того, чтобы показать вам, насколько опасно для нас не удаляться великодушно от всех мирских вещей. Так избавились бы мы от многих провинностей и многих бед. Пути, которыми Господь наш вступает в дружбу с нашими душами, так многочисленны, что, мне кажется, не было бы конца, если перечислять все те из них, которые стали известны мне, хоть я и просто женщина. Что же могли бы сказать об этом духовники и те, кто более особым образом занимается душами? Среди этих последних встречаются некоторые, которые, признаюсь, приводят меня в восхищение, потому что по-видимости у них ни в чем нет недостатка, чтобы быть друзьями Божьими.

Истинная дружба с Богом и мир с ним предполагают полный отказ от всякого самолюбия.

Благословляйте Господа всем сердцем, дочери мои, за то, что он привел вас в монастырь, потому что бес, несмотря на все свои усилия, не может обманывать здесь так легко, как когда живут у себя. Действительно, существуют души, у которых как будто ни в чем нет недостатка, чтобы вознестись до небес, настолько они придерживаются добродетели во всех отношениях, — по крайней мере они так думают. Но нет никого, кто знал бы их хорошо. В монастырях, напротив, никогда я не видела, чтоб самообольщались насчет какого бы то ни было лица, потому что там делают не то, чего хотят, но то, что приказывается. В мире сем, как бы ни желали просветиться настолько, чтобы угождать Богу, этого не достигают, потому что в конечном итоге то, что делают, делают по своему собственному выбору. Правда, от времени до времени там наталкиваются на противоречия, это верно, но в конце концов в умерщвлении плоти упражняются гораздо меньше, чем когда состоят в монашестве. Я не говорю о некоторых людях, которые уже много лет просвещаются Богом: эти ищут такого руководителя, который знал бы их и которому они могли бы подчиняться, ибо глубокое смирение, даже у самых ученых людей, само себе не доверяет. Есть другие, которые отказались от всего ради Господа. У них нет ни дома, ни имущества, они не дорожат благосостоянием, даже предаются умерщвлению плоти, им нет дела до благ мира сего, потому что Бог дал им понять, до какой степени блага эти ничтожны, — но они очень чувствительны к почету. Они желают не делать ничего, что не было бы благоприятно принято и Богом, и людьми, а от этого — какая осторожность! Какая сдержанность! Но эти два качества не согласуются между собой, и беда в том, что, почти не замечая своего несовершенства, эти люди всегда дают мирской стороне брать верх над Божьей. Обычно эти души огорчаются от малейшего слова, сказанного не в их пользу. Они не приемлют креста, только тащат его, поэтому крест ранит их, утомляет их и убивает. Напротив, когда крест любят, нести его становится сладостно, это не подлежит никакому сомнению. Вы видите, это еще не та дружба, которой просит Супруга. Дочери мои, так как вы принесли первые жертвы, остерегайтесь хорошенько и не упускайте случая приносить дальнейшие жертвы. В конечном итоге речь идет только о том, чтобы сбросить с себя определенное бремя. Вы отказались от самого значительного, то есть от мира сего, от его радостей, его удовольствий, его богатств, его преимуществ, которые, при всей их обманчивости, тем не менее нравятся. Чего же вы боитесь? Посмотрите хоть немножко, какая это ошибка! Чтобы избавиться от печали, которую может вызвать у вас одно простое слово, вы обременяете себя тысячью трудностей, тысячью обязательств. Да, они так многочисленны, эти обязательства, которые принимают на себя, когда хотят удовлетворить мирским людям, что я не могла бы их перечислять, не распространяясь чрезмерно, да к тому же я и не была бы на это способна.

Для приобретения истинно мирного состояния необходимо умерщвление плоти и отсечение собственной воли.

Наконец, есть другие души, у которых при внимательном рассмотрении вы обнаружите немало признаков начала духовного движения вперед, - и все же эти души застревают в пути. Они немного внимания обращают на человеческие речи и почет, но у них нет опыта ни в умерщвлении плоти, ни в обретении отрешенности от собственной воли. Они живут в постоянных страхах. Послушать их, так они готовы страдать и не дорожат ничем. Но стоит им встретиться с серьезными вопросами, касающимися чести Божьей, как пробуждается их привязанность к своей собственной чести, так что они даже сами этого не замечают. Им кажется, что они боятся не мира сего, но одного Бога, и тем не менее они так сильно страшатся событий, до такой степени боятся, как бы какое-нибудь доброе дело не стало источником значительного зла, словно сам бес учит их на тысячу лет вперед пророчествовать о грядущих бедах. Эти души — не из тех, которые последуют примеру апостола Петра, когда он бросился в море, ни примеру столько других святых. Они, конечно, хотят сохранять душу для Бога, но при условии не расставаться со своим собственным спокойствием и не подвергаться ради этого какой-нибудь опасности. Дело в том, что их решениями редко движет вера. Вот что я заметила: мало есть в мире людей, — здесь я не говорю о монахах, - которые в поддержании своего существования полагаются на Бога. Я встретила всего лишь двоих, кто так поступает. В монашеской жизни хорошо знают, что не будут терпеть недостатка в необходимом. Правду сказать, те, кто принимает эту жизнь из одной только любви к Богу, таких соображений, думаю я, не питают. А между тем, сколько должно быть таких, дочери мои, кто не отказался бы от того, чем владел, если бы не чувствовал себя обеспеченным в этом отношении! Но так как в других наставлениях, данных вам мною, я уже пространно говорила об этих трусливых душах и показала, какую судьбу готовит им этот недостаток, а также показала, какое преимущество дают великие желания, когда дела быть великими не могут, то здесь я об этом не скажу больше ничего. А между тем я была бы готова говорить об этом без конца.

О том, что высокое достоинство монашеской души вполне способно подвинуть ее привести в действие все, чтобы получить от Божественного Супруга лобзание мира.

Души, которых Бог привел к такому высокому состоянию, должны это использовать для его славы и не замыкаться в узких пределах. Если монахи — в особенности же монахини — оказываются не в состоянии трудиться во спасение ближнего своего, то нужно, чтобы великодушная воля и горячее желание спасения душ сделали мощной их молитву. И может быть, Господь дозволит им, при их жизни или после их смерти, быть полезными другим, как это происходит в настоящее время со святым братом Диего. Это был брат-послушник, не имевший иной цели как служить другим, и вот через многие годы после его смерти Господь дает его памяти оживать для того, чтобы служить нам примером. Благословим за это его Величие! Итак, дочери мои, если Бог привел вас в такое расположение духа, то вы совсем близки к тому, чтобы получить дружбу и мир, о которых просила Супруга. Просите их с непрестанными слезами и с великим желанием. Делайте со своей стороны что можете, чтобы Господь дал вам их: знайте, что такое расположение духа еще не составляет мира и дружбы, которых просит Супруга, но Господь тем не менее оказывает великую милость тому, кому он его дарует. Сама эта дружба приобретается только после многих упражнений в молитве, покаянии, смирении и других добродетелях. Непрестанное благословение Господу, от которого идут к нам все дары! Аминь.

Глава 3 - Лобзание, которого просит Супруга в "Песни песней", это святой мир в соединении с Богом. — Характер и следствия этого соединения.

О святая Супруга! Перейдем к предмету твоей просьбы, то есть к тому миру, который дает душе смелость объявить войну всем приверженцам мира сего, причем сама она остается миролюбивой и преисполненной чувства своей безопасности. О какая счастливая удача — получить такую милость! Она заключается в таком тесном соединении с волей Божьей, что нет больше разделения между Богом и душой, и обе их воли составляют уже только одну, не на словах только или в желании, но в действительности. Как только душа видит, что ее Супругу более угодна такая-то вещь, она, немедленно увлекаемая своей любовью к нему и желанием ему угодить, не слушает ни возражений, ни страхов, внушаемых ей рассудком, но предоставляет действовать вере, не обращая никакого внимания ни на свою выгоду, ни на свой покой, в полной уверенности, что в этом забвении себя самой и заключается вся ее польза. Вам, может быть, покажется, дочери мои, что такое поведение неразумно, поскольку столь похвально делать все со сдержанностью. Но вот что нужно принять во внимание. Если вы узнаете — настолько, по крайней мере, насколько можно об этом судить, ибо уверенности в этом быть не может, — что Господь услышал вашу просьбу к нему "лобзать вас лобзанием уст своих", — если, говорю я, вы это узнаете по следствиям, вы должны не останавливаться больше ни на чем, но забыть себя самих, чтобы угодить кротчайшему Супругу. У тех, кто удостоился этой милости, действие Божье познается по многим признакам. Один из них это - достижение того состояния, при котором презирают все земные вещи, расценивают их так, как они того стоят и не больше, не ищут никаких благ мира сего, потому что понимают их суетность, получают радость только с теми, кто любит Божественного Властелина, принимают жизнь с отвращением, придают богатству только то значение, которого оно заслуживает, вместе с другими подобными же настроениями, которым учит души тот, кто довел их досюда.

Сверхприродная сила, передаваемая Богом душе, которую он так тесно соединил с собою.

Когда душа в этом состоянии, ей нечего бояться, кроме как стать недостойной того, чтобы Бог снисходил применять ее к служению ему, посылая ей испытания и случаи, подчас очень болезненные, истощать себя ради него. Здесь, повторяю, действуют любовь и вера, и душа отказывается считаться с соображениями рассудка. И действительно, это единство, существующее между Супругом и Супругой, научило ее некоторым истинам, до которых рассудок не доходит, — вот почему она всячески смиряет свой разум. Чтобы дать вам это понять, возьмем одно сравнение. Вот пленник, находящийся в стране мавров. У него есть отец, который беден, или близкий друг. Если тот его не выкупит, то положение его непоправимо. Для этого выкупа недостаточно того, что имеет этот друг, ему нужно еще пойти служить вместо пленника. Великая привязанность, которую он питает к нему, требует от него предпочесть свободу своего друга своей собственной. Но вот сразу же появляется сдержанность со множеством возражений. Она заявляет, что он обязан прежде всего перед самим собой, что он, возможно, будет менее тверд, чем пленник, и его заставят отречься от веры, что нет смысла подвергать себя этой опасности, и еще многое другое в этом же роде. О могучая любовь Божья! Как верно, что для того, кто любит, нет ничего невозможного! О блаженная душа, получившая от Бога такую умиротворенность! Она берет верх над всеми страданиями и всеми опасностями мира сего. Ни одной из них она не страшится, как только дело касается служения такому превосходному Супругу, такому Властелину, и она совершенно права. Что же касается упомянутого родственника или друга, то ведет он себя согласно человеческому разуму. Вы читали, дочери мои, об одной черте в жизни одного из святых (св. Паулина Ноль-ского). Он жертвовал собой не для сына и не для друга. Но ему, несомненно, было дано великое счастье получить от Бога

то внутреннее спокойствие, о котором мы говорим, и желая угодить Господу нашему, а также и подражать хоть немного тому, что Господь сделал для нас, он отправился в страну мавров, чтобы отдать себя в обмен на сына вдовы, обратившейся к нему в своей горе. Вы знаете, какое благо от этого произошло и с какими достижениями святой вернулся на свою родину.

Героическая любовь, даруемая Богом тем душам, с которыми ему угодно вступить в такой тесный союз.

В наше время я знала одного человека (достоцимный брат Хуан де Кордовилья), получившего от Господа такой великий порыв любви, что он пролил немало слез оттого, что ему запрещали отдать себя в обмен на одного пленника. Это был монах, принявший реформу брата Петра Алькантарского. Он пришел ко мне рассказать об этом и после долгих настояний получил разрешение от генерала своего Ордена. Он был уже только в четырех милях от Алжира, куда направлялся для выполнения своего намерения, когда Господь отозвал его к себе. Награда его была, наверно, велика. Но сколько осторожных людей, думаю я, говорили ему, что это было безумием! И мы, не имеющие столько любви к Богу, мы судим так же. Но какое безумие может быть больше того, как кончить так рассудительно сон этой жизни? О, да будет угодно Богу, чтобы мы заслужили войти однажды в Царство Небесное и быть среди тех, кто так далеко продвинулся в его любви. Чтобы совершать поступки этого рода, нужна могучая помощь с его стороны. Вот почему, дочери мои, я убеждаю вас беспрестанно просить вместе с Супругой этого блаженного внутреннего спокойствия, которое, преодолевая все мелкие страхи, внушаемые миром сим, с полной безмятежностью разбивает его твердыни. Не очевидно ли, что, когда Бог дарует душе смелость соединить ее с Собою такой тесной дружбой, он должен оставлять ее чрезвычайно обогащенной его благами! Ясно, что поступки этого рода не могут исходить от нас. Желать и просить этой милости — в нашей власти, но и для этого мы нуждаемся в помощи Божьей. Что до всего остального, то на что способны мы, бедные червячки, ставшие вследствие греха такими боязливими и такими немощными, что и свой идеал добродетелей мы строим по мерке собственной природной низости? Что же делать, дочери мои? Просить вместе с Супругой, чтобы Господь "лобзал нас лобзанием уст своих". Если бы маленькая крестьянка стала супругой короля и у нее были бы дети от него, то разве не были бы они королевской крови? Так вот, когда Господь наш оказывает душе огромную милость так тесно соединиться с ней, какие только желания, какие следствия, какие героические дела не будут порождены этим союзом, если лишь душа сама не препятствует этому?

О том, что душа, себе самой не доверяя, должна вдохновляться великодушием, чтобы производить великие дела добродетели.

Итак, повторяю вам, если Господу угодно представить вам случай произвести дела, подобные тем, о которых мы только что говорили, то не смущайтесь тем, что вы были грешницами. Нужно, чтобы здесь вера опережала нашу немощь. Не пугайтесь также, если в то самое мгновение, когда вы принимаете свое решение, или даже после того, как вы его приняли, вы испытываете страх и чувствуете свою слабость. Не огорчайтесь этим несколько, лишь пользуйтесь этим для того, чтобы остерегаться еще больше. Оставьте плоть делать свое дело и помните слово нашего благого Иисуса во время молитвы в Гефси-манском саду: "Плоть немощна". Помните также об удивительном и мучительном поте, которым он обливался... Вот мысль, пришедшая мне. Наш благой Иисус дает видеть слабость своей человечности перед своими Страстями, но когда он уже погружен в них, он уже не проявляет ничего, кроме непобедимой силы. Он не только не жалуется, но и самый вид его лица не выявляет ни малейшей слабости среди страданий. Когда он

направляется к саду, он произносит слова: "Душа моя скорбит смертельно", а когда он распят на кресте и действительно претерпевает смерть, у него не вырывается ни единой жалобы. Если он прервал свою молитву в саду, чтобы пойти разбудить апостолов, то не было ли бы еще более закономерным пожаловаться своей матери, стоявшей у подножия креста и не спавшей, конечно, но претерпевавшей душевную пытку и переживавшей жестокую смерть? Разве мы не больше утешения находим, когда жалуемся тем, о которых знаем, что они сочувствуют нашим страданиям, и чувствуем, что они за это еще больше любят нас? Итак, не будем стенать из-за наших страхов и отнюдь не будем падать духом при виде нашей слабости. Но будем укреплять себя смирением. Будем ясно видеть свое личное бессилие, ничтожество, в каком мы пребываем, когда Бог не приходит нам на помощь. Доверимся его милосердию, будем полны недоверия к своим силам, будем уверены, что причина нашей слабости — единственно в том, что мы опираемся на них. Господь наш не без глубоких оснований выказал некоторую слабость. Ясно, что не во власти страха был он, который есть сама сила, но он пожелал утешить нас, показать нам, насколько нужно нам перейти от желаний к действиям, и наконец, дать нам увидеть, насколько душе, начавшей умерщвлять свою плоть, все служит предметом для самопожертвования. Предпримет ли она сокращение жизненных удобств: какая трудность — отказ от почета! какая мука — стерпеть неприятное слово! каким невыносимым это ей кажется! Наконец, нет вокруг нее ничего, кроме смертельной печали. Но как только она полностью решится умереть для мира сего, все эти горести прекратятся. Превращение будет полным, и вы можете быть уверены, что она больше не будет жаловаться. Дело в том, что она нашла покой, которого просила Супруга.

О том, насколько Господь сам желает установить с нами это единство в совершенной любви.

Что касается меня, то я убеждена, что если бы мы хоть один раз приступили к Святейшим Дарам с живой верой и великой любовью, то этого было бы достаточно для того, чтобы нас обогатить. Что же сказать, если бы это было много раз! Но, по-видимому, мы приступаем к Господу нашему только церемонии ради. Вот почему мы получаем от этого так мало плодов. О злосчастный мир, надевающий повязку на глаза живущим, чтобы помешать им видеть сокровища, которые дали бы им возможность собирать вечные богатства! Господи неба и земли! Неужели же возможно даже в этой смертной жизни услаждаться тобой с такой великой интимностью? А между тем, Дух Святой ясно открывает нам это в словах "Песни песней"! Мы не хотим их понять, и тем не менее они так прекрасно указывают на ласки, тобою даруемые душам! Какая нежность! Какая сладость! Только одного из этих слов было бы достаточно, чтобы растворить нас в тебе! Будь благословен, Господи! Не от тебя придет когда бы то ни было наша гибель. Каким множеством путей и средств, каким множеством различных способов свидетельствуешь ты нам о твоей любви! Ты это делаешь твоими страданиями, твоей такой жестокой смертью, делаешь это, претерпевая муки, каждый день перенося поругания и их прощая. И, не довольствуясь этим, ты это делаешь, обращаясь в этой "Песни песней" к любящей тебя душе, и уча ее самое обращать к тебе слова, наносящие такие чувствительные раны, что воистину я не знаю, как удастся это переносить. Для этого нужно, чтобы ты выступил сам и сделал их выносимыми для той, которая чувствует их, — говорю, что чувствует их не так, как они того заслуживают, но настолько, насколько способна ее слабость. Нет, Владыка мой, только одного прошу я у тебя в этой жизни: "лобзать меня лобзанием уст твоих". Сделай это таким образом, что если бы я захотела порвать эту дружбу и это единение, то моя воля, о Властелин моей жизни, была бы принуждена не отдаляться от твоей и ничто не могло бы помешать мне, о Бог мой и Слава моя, сказать тебе по правде: "Как много ласки твои лучше вина!"

Мысли о словах "Песни песней" "Как много ласки твои лучше вина! О природе и превосходстве умиротворенной молитвы.

О дочери мои, какие глубокие тайны заключены в этих словах! Да даст нам Господь наш ощутить их, ибо очень трудно передать их речью! Когда ему угодно, по его милосердию, исполнить эту просьбу Супруги, дружба, которую он начинает оказывать душе, невообразима, и только те из вас, у которых есть опыт этого, будут способны это понять. Как я уже сказала, я много написала об этом в двух книгах, которые вы увидите после моей смерти, если Господь позволит. Сделала я это подробно и пространно, так как знаю, что вам это понадобится. Поэтому здесь я удовольствуюсь тем, что лишь слегка коснусь этого предмета. Не знаю, найду ли я опять те выражения, которыми Господу нашему угодно было это объяснить. Внутри своей души ощущают такую сладость, что легко узнать, что Бог наш стал ее обитателем. Это не просто одно из тех благочестивых чувств, которые заставляют в изобилии лить сладостные слезы над Страстями Господа нашего или над нашими грехами. При молитве, о которой я говорю и которую называю умиротворенной молитвой, ввиду покоя, доставляемого ею всем силам души, кажется, что обладаешь всем, чего только можно пожелать. Однако иногда, когда душа менее поглощена этой сладостью, происходит по-иному. Тогда эта сладость словно укрепляет всего человека, внутреннего и внешнего, как если бы ему впрыскивали в костяной мозг мягчайший бальзам, обладающий чрезвычайно сладким ароматом. И еще это так, как если внезапно войдешь в помещение, которое все благоухает, и не одним только, но многими запахами. Не знаешь, что это за запах и откуда он, но пропитываешься им целиком. Так, по-видимому, обстоит дело и с этой сладчайшей любовью Бога нашего. Она входит в душу с крайней мягкостью, она преисполняет ее удовлетворением и радостью, не давая душе понять, как и каким путем это благо проникло в нее.

О том, что уже при умиротворенной молитве Господь показывает душе, что хочет от нее любви, исключаяющей малейшее разделение.

Ограничусь тем, что скажу, что Господь наш показывает здесь душе свое желание вступить с ней в очень тесное единство, исключаяющее даже малейшее разделение. Душе сообщаются тогда великие истины. Это свет настолько ослепительный, что лишает ее возможности понять, что в ней происходит, открывает ей ничтожество мира сего. Не видя преисполненного благости Учителя, который учит ее, она понимает, что он с ней, и оказывается настолько хорошо наученной, чувствует в себе такие мощные следствия и такую силу для осуществления добродетелей, что перестает узнавать себя самое и не хотела бы делать ничего, кроме как благословлять Господа. Все время, пока продолжается эта радость, душа так погружена в нее и так ею поглощена, что она словно вне себя и находится во власти своего рода божественного опьянения. Она не знает ни чего она хочет, ни что говорит, ни о чем просит, — словом, она больше не знает, что с ней. Однако она не настолько вне себя, чтобы не понимать вовсе ничего из того, что происходит. Но когда этот богатейший Супруг желает обогатить ее и ласкает ее еще больше, он так увлекает ее в себя самого, что подобно человеку, который лишается чувств от чрезмерного удовольствия и радости, она ощущает себя как бы несомой на этих Божественных руках, прилепившейся к этому священному боку и к этим Божественным сосцам. Она способна уже только наслаждаться, вскормленная тем Божественным молоком, которым ее Супруг питает ее и укрепляет, чтобы дать ей способность принимать еще более великие милости и с каждым днем становиться более достойной их. Когда душа пробуждается от этого сна и небесного опьянения, она в полном удивлении и как бы

недоумевают. Тогда-то она и может, кажется мне, воскликнуть в священному бреду: "Как много ласки твои лучше вина!"

О нежности и сладости напряженно-умиротворенной молитвы и молитвы единения.

Когда она была в первом опьянении, она думала, что не может подняться выше, но видя затем, что она на еще более высокой ступени и целиком погружена в несказанное Величие Божье, в котором чувствует себя чудесно питаемой, она пользуется приятным сравнением и говорит: "Ласки твои лучше вина". Как малый ребенок не знает ни как он растет, ни как он сосет, и часто молоко вливают ему в рот, когда он и не сосет, и не делает для этого никакого движения, так и душа. Она не знает, что с ней, — она не действует, — ей неизвестно, как и каким путем пришло к ней такое драгоценное благо, и она даже не может представить себе это. Она знает только, что это — самое великое благо, каким только можно усладиться в этой жизни, и что оно превосходит все удовольствия, все удовлетворения этого мира. Душа чувствует себя возросшей и укрепленной, не зная, когда она заслужила эту милость. Она видит, что ее учат высоким истинам, не видя Учителя, который ее учит. Она чувствует себя утвержденной в добродетелях, любовно ласкаемой тем, кто так прекрасно умеет это делать. Она не знает, с чем сравнить эти Божественные улады, если только не с нежностью матери, которая, страстно любя своего ребенка, расточает ему свою заботу и ласки. Это сравнение поразительно точно. Действительно, душа оказывается тогда вознесенной выше себя самой и полностью обходится без содействия рассудка, приблизительно так, как малый ребенок, получающий материнское молоко и им наслаждающийся, но еще недостаточно пробужденный умственно, чтобы понимать, как оно попадает к нему. В предыдущем состоянии, в состоянии сна и опьянения, душа еще не находится в таком полном бездействии. Она слегка понимает и действует, поскольку отдает себе отчет в своей близости к Богу... Но с тех пор как его Величие дало ей более высокий дар и теснее соединило ее с собой, она с полным правом говорит: "Ласки твои лучше вина". Предыдущая милость была велика, о Боже мой, но эта намного превосходит ее, потому что в ней меньше моего действия. Вот почему она еще более превосходна во всех отношениях. В этом состоянии радость и улады души огромны.

О том, что все земные наслаждения никак не соизмеримы с божественными уладами сверхприродной молитвы.

О дочери мои! Да даст вам Господь наш понять - или, лучше сказать, ощутить, ибо иначе понять это невозможно, — счастье души, достигшей этого! Пусть мирские люди устраиваются, как хотят, со своими именами, богатствами, удовольствиями, почестями, пирами! Даже если бы, что невозможно, они могли пользоваться всем этим без огорчений, которые от этого неотделимы, их счастье и за тысячу лет не достигло бы того, что в одно мгновение ощущает душа, приведенная Господом на эту высоту. Апостол Павел утверждает, что "нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас" (Поел, к римлянам, гл. 8, ст. 18). А я говорю, что они никак не соизмеримы с одним только часом этого обладания, этого удовольствия, этих улад, которые Бог дает душе, и что заслужить это они не могут. Нет, как я понимаю, нет никакого сравнения между вещами сего мира, в которых — одна лишь низость, и этими, столь нежными, ласками Господа нашего, этим столь тесным единением, этой любовью, столь несказанно проявляемой и воспринимаемой. Правда, смешно сравнивать горести мира сего с таким счастьем! Если их, эти горести, переносят не для Бога, то они не стоят ничего, а если для Бога, то его Величие отмеряет их по нашим силам. Наша трусость, наше ничтожество вызывают у нас такой страх перед ними.

Волнующий призыв Терезы к совершенной любви, означаемой Божественным лобзанием.

О христиане! О дочери мои! Ради любви Господа нашего, пробудимся от нашего сна! Подумаем о том, что Бог не дожидается будущей жизни, чтобы наградить за любовь, которую мы питаем к нему. Награда — она начинается уже здесь, на земле. О любвеобильный мой Иисус! Как дать понять, до какой степени лучше для нас броситься в объятия нашего Властелина и заключить с его Величием такой договор: "Я буду смотреть на своего Возлюбленного, и мой Возлюбленный будет смотреть на меня. Он будет заботиться о моих интересах, а я о его". Не будем любить друг друга, как говорится, до одури. Прошу тебя еще раз, о Боже мой, молю тебя во имя крови Сына твоего, — даруй мне эту милость: "Да лобзает он меня лобзанием уст своих!" Что я без тебя, Господи? Если я не буду держаться при тебе, то на что могу я быть годной? Если удалюсь хоть немного от твоего Величия, то где буду блуждать? О любвеобильный Властелин мой, Милосердие мое, Сокровище мое! Какого большего блага желать мне в этой жизни, чем быть так привязанной к тебе, чтобы не было никакого разделения между тобою и мною? В твоём обществе, что может произойти трудного? Что только не способны мы предпринять ради тебя, когда ты так близок к нам? И за что можно быть благодарным мне, Господи? Я не заслуживаю ничего, кроме тяжких упреков за то, что так плохо служу тебе. Оттого я и обращаю к тебе с твердой решимостью просьбу святого Августина: "Дай силу исполнить то, что повелеваешь, и повелевай, что хочешь". С твоей помощью и при твоём покровительстве я не отступлюсь никогда.

Святая изливает свою любовь к Богу.

Я вижу, о Супруг мой, и не могу это отрицать: ты мой. Для меня ты пришел в этот мир, для меня принял жестокие муки, для меня претерпел бесчисленные удары бичом, для меня пребываешь в Святейших Дарах, и теперь ты осыпаешь меня чрезмерными милостями. Но, о святой Супруг, как завершу я твои слова? Что могу я сделать для моего Супруга? Воистину, сестры мои, я не знаю, как продолжать. Чем буду я для тебя, о Боже мой? Что может сделать для тебя та, у которой нашлось печальное умение растерять милости, которые ты ей даровал? Чего ожидать от ее услуг? А если предположить, что с помощью твоей благодати я сделаю что-либо, то, спрашиваю я тебя, что представляет собой дело тщедушного червячка? На что может оно быть нужно всемогущему Богу? О Любовь! Я хотела бы беспрестанно повторять твое имя, ибо только у тебя может быть смелость воскликнуть вместе с Супругой: "Я принадлежу моему Возлюбленному". Ничто как любовь позволяет нам думать, что этот подлинный Любящий, мой Супруг, мое Сокровище нуждается в нас. Так как он разрешает это, дочери мои, повторим все вместе: мой Возлюбленный принадлежит мне и я принадлежу моему Возлюбленному. Ты — мне, Господи!.. Но так как ты приходишь ко мне, то как сомневаться в том, что я могу делать для тебя великие вещи? С этого мгновения, Господи, я хочу забыть себя самое, думать только о способах служить тебе и не иметь иной воли кроме твоей. Увы! как слабы мои силы! Но ты, Боже мой, не всемогущ ли ты? По крайней мере то, что в моей власти, — я имею в виду принятие твердой решимости взяться за дело, — это я делаю в сей самый миг.

Глава 5. —Размышления о словах "Песни песней" "В тени ее я люблю сидеть, и плоды ее сладки для гортани моей ". — Как хорошо для души быть под сенью Божьей в состоянии единения.

Теперь спросим Супругу и узнаем от этой блаженной души, прильнувшей к Божественным устам и питаемой небесными сосцами, что должны мы будем делать, если Господь возведет нас в такую высокую милость, как должны мы будем вести себя и что говорить. Вот ответ, который она дает нам, сравнивая своего возлюбленного с яблоней: "В тени ее я люблю сидеть, и плоды ее сладки для гортани моей" (Песнь песней, гл. 2, ст. 3). Царь "ввел меня в дом пира, и знамя его надо мною — любовь" (Песнь песней, гл. 2, ст. 4). Она говорит: "В тени ее я люблю сидеть". О Боже! Как продвинулась она на солнце, эта душа, и как воспламенена она им! Сначала она говорит, что "в тени ее любит сидеть". Затем, довольствуясь сравнением с яблоней, она говорит, что "плоды ее сладки для гортани ее". О молитвенные души! Почувствуйте эти слова. Со сколь многих сторон можем мы рассматривать нашего Бога! Как много разной пищи находим мы в нем! Это манна, принимающая любой из вкусов, какие мы пожелаем. О, что это за небесная тень! И как выразить то, что Господь дает душе о ней познать? Вспоминаю слова ангела Владычице нашей Пресвятой Деве: "...сила Всевышнего осенит тебя" (Еванг. от Луки, гл. 1, ст. 35). Какой защищенной должна чувствовать себя душа, когда Господь помещает ее под этой дивной сенью! Она имеет полное право сесть и считать себя в безопасности.

Бог обычно берет под свою Божественную сень только те души, которые много потрудились для него.

Заметьте здесь, что чаще всего, даже почти всегда Бог дарует такое высокое блаженство и оказывает такие великие милости только тем, кто много потрудился для него, сильно желая его любви. Делаю, однако, исключение относительно некоторых душ, которым Господь наш почитает за благо дать услышать особый призыв, — например, апостолу Павлу, которого он внезапно вознес на вершину созерцания и научил так, чтобы сразу поднять его на большую высоту. Но обычно эти души много трудились, чтобы стать во всех отношениях угодными его Величию, — они много лет утомлялись в размышлении и в поисках своего Супруга, наконец, мирские вещи им отвратительны в высшей степени. Эти души утверждены в истине, они не ищут вне ее утешения, мира и покоя, потому что поняли, что только в ней они могут действительно найти их. Они ставят себя под покровительство Господа и иного не хотят. И как правы они, доверяясь таким образом его Величию! Ибо они видят исполнение своих желаний. Как блаженна душа, заслужившая быть помещенной под этой сенью! Блаженна, говорю я, по преимуществам, которые видны извне, но еще совсем другое дело — те блага, которые ощутимы только для нее самой, -я имела случай в этом удостовериться.

Какое счастье для души быть допущенной к покою под сенью Божества и есть от его плодов.

Часто, когда душа погружена в это блаженство, она чувствует себя со всех сторон окруженной и полностью охраняемой сенью Божества и своего рода облаком его, из которого к ней доходят некоторые влияния и сладостная роса, избавляющие ее — что и нетрудно понять — от усталости, вызванной у нее воздействием мира сего. Она ощущает тогда такой покой, что даже необходимость дышать становится ей в тягость. Силы души так умиротворены и спокойны, что воле не хотелось бы подпускать к себе ни одной мысли, даже доброй, и действительно, она не подпускает ни одной путем поисков или усилий. Ей нет надобности ни шевельнуть рукой, ни встать — подразумеваю под этим использование мышления - потому что Господь наш дает ей уже сорванным, уже приготовленным, уже усвоенным плод той яблони, с которой его сравнивает Супруга. Вот почему она говорит, что "плоды ее сладки для гортани ее". В самом деле, здесь остается только вкушать, без всякого действия собственных сил. Что же касается той тени Божества, то ее с полным правом называют сенью, потому что здесь на земле мы не

можем иначе видеть Божество, как только сквозь некое облако. Все же наступает мгновение, когда солнце, засияв, посылает душе, посредством любви, некоторое понятие, открывающее ей, что его Величие близко, и близость эта такова, что приходится отказаться от попытки ее выразить. Люди, на опыте познавшие это, поймут - я это знаю - что можно с совершенной точностью увидеть этот смысл в словах, которыми в этом месте пользуется Супруга. Что до меня, я убеждена, что Дух Святой является здесь посредником между душой и Богом. Никто как он движет ею посредством столь горячих желаний и воспламеняет ее тем высшим огнем, который находится так близко от нее. О Господи, с каким милосердием ты здесь обращаешься с душой! Будь навеки хвален и благословен за то, что любишь нас такой любовью! О Боже мой, мой любвеобильный Создатель! Возможно ли, что есть кто-либо тебя не любящий? Горе мне, так долго не делавшей этого! Почему была я недостойной тебя знать?

Благость Божья, питающая душу божественным плодом, чтобы сделать ее способной трудиться и страдать ради него.

Посмотрите, сестры мои, как эта божественная яблоня склоняет свои ветки, чтобы душа от времени до времени собирала ее плоды, рассматривая чудеса благодати и великое милосердие, с которым Бог обращается с ней, чтобы она видела и отвеживала плод, который Господь наш Иисус Христос взрастил своими Страстями, когда с такой дивной любовью оросил своей драгоценной кровью дерево, о котором мы говорим. Только что душа говорила, что она наслаждалась вкусом пищи от Божественных сосцов. Супруг питал ее так потому, что она была новичком в принятии этих милостей, — но теперь, когда она выросла, он мало-помалу делает ее способной принимать больше. Он питает ее плодами, он желает, чтоб она поняла, что она обязана делать и как страдать ради него. Но это еще не все. Дивная вещь и вполне достойная наших размышлений! Как только Бог видит душу, целиком ему принадлежащую, бескорыстно, единственно потому, что он ее Бог и она его любит, он беспрестанно сообщает себя ей самыми различными путями и способами, как это и свойственно тому, кто есть сама Премудрость. Можно было бы подумать, что после первого залога мира Супругу больше нечего было давать, — а между тем милость, только что мною указанная, еще намного выше. Я о ней говорила только очень несовершенным образом, лишь слегка касаясь этого предмета. Но в уже упомянутой мною книге вы найдете, дочери мои, очень ясное изложение всего этого, если Господь позволит ей увидеть свет. Скажите мне, можем ли мы желать еще чего-либо после всего только что сказанного? Как же мало наши желания соизмеримы с твоими дивными делами, о Боже мой! И в какой нищете оставались бы мы, если бы ты отмерял свои дары по нашим просьбам!

Мысли святой Терезы о словах "Он ввел меня в дом пира, и знамя его надо мною — любовь". - Верная Богу созерцательная душа всегда бывает в большей степени насыщена общением с ним.

Когда Супруга наслаждается покоем под сенью, которой она так горячо и так справедливо желала, чего еще остается ей желать, кроме как не терять никогда такое великое благо? Ей, Супруге, кажется, что ей нечего больше желать. Но у нашего Божественного Царя остается еще много для раздачи, и он желал бы только это и делать, если бы находил, на кого изливать свои дары. Я уже часто говорила вам, дочери мои, и хотела бы, чтобы вы никогда не забывали, что Господу недостаточно отмерять свои дары по нашим слабым желаниям. Это я видела не в одном, а во многих случаях. Человек просит у Бога поводов стяжать заслуги и пострадать ради него. Он не видит дальше того, что считает пределом своих сил. Но так как Господь наш имеет власть увеличить их и хочет наградить человека за то малое, что тот решился принять ради любви к нему, он ему посылает столько

испытаний, гонений и болезней, что бедный человек больше не знает, как ему быть. Это случилось со мной самой, когда я была еще очень молодой, и я говорила иногда: "О Господи, столько их я у тебя не просила!" Но его Величие давало мне в очень значительной мере силу и терпение, настолько, что эти беды я не пожелала бы обменять на все сокровища мира.

Бесконечная щедрость Господа покрывает любое наше желание.

Супруга говорит: "Он ввел меня". Он - это Царь всемогущий, не имеющий над собой никого, и Царству которого не будет конца! Когда душа дошла до этого, она несомненно близка к тому, чтобы постичь нечто из величия этого Царя, ибо познать все, что он есть, в этой смертной жизни дело невозможное. Итак, она говорит, что он "ввел ее в дом пира, и знамя его над нею — любовь". В моем понимании этого, милость, о которой она говорит, огромна. В самом деле, когда подают какое-либо вино, можно дать его больше или меньше, можно потом от одного вина перейти к другому, которое лучше, наконец, можно более или менее напоить человека и его опьянить. Так и с милостями Божьими. Одному он дает вино благочестия в малом количестве, другому дает его больше, еще одному он увеличивает меру настолько, что начинает исторгать его из него самого, из его чувственности и из всего земного. Иным он дарует великое рвение в служении ему, иным - восхищения, иным - такую великую любовь к ближнему, что они, находясь вне себя, перестают чувствовать великие страдания, которые им приходится претерпевать. Слова же Супруги указывают на очень щедрую меру. Она "введена в дом пира", чтобы могла беспредельно обогатиться в нем. Ясно, что Царь имеет в виду предоставить ей все, чтобы она пила столько, сколько захочет, и опьянела бы совсем, отведавывая всех самых разных вин, содержащихся в божественном "доме пира". Пусть радуется она всеми этими радостями, пусть восторгается всеми этими дивными вещами! Пусть не боится лишиться жизни оттого, что выпьет больше, чем может вынести природная слабость! Пусть она умрет в этом сладостном раю! Блаженная смерть, дающая такую высокую жизнь! Да, воистину, это именно то, что происходит, ибо все то дивное, что открывает душа, сама не зная, каким образом она его открывает, так величественно, что она от этого остается вне себя, и дает это знать, говоря: "Знамя его надо мною — любовь".

Дивные следствия опьянения единством с Богом.

О слова, которые душа, ласкаемая Господом нашим, никогда не должна предавать забвению! О верховная милость, которой никогда нельзя было бы достичь, если бы Господь не давал способности к этому! Верно, что когда она погружена в сон, душа поражена бессилием, даже в отношении любви. Но блажен сон и счастливо опьянение, заставляющее Супруга замещать то, чего не может делать душа! Тогда в ней устанавливается такой дивный порядок, что в то самое время, когда все ее силы умерли или спят, любовь продолжает действовать. Она не знает, каким образом она действует, но так как Господь это повелевает, она действует так дивно, что становится одним и тем же с самим Владыкой любви, то есть с Богом. И все это происходит в несказанной чистоте, потому что ничто не препятствует любви: ни чувства, ни силы души, ни рассудок, ни память. Что же касается воли, она не сознает себя самое. Я только что задала себе вопрос, есть ли какое-либо различие между волей и любовью, и мне кажется, что есть одно, — не знаю, не ошибаюсь ли я. Любовь представляется мне как бы стрелой, пущенной волею. Если стрела вылетает со всей силой, которой располагает та, свободной от всего земного и ища только Бога, она без всякого сомнения наносит рану в грудь самому его Божественному Величию. Вонзившись таким образом в Бога, который есть Любовь, она от него возвращается с огромной пользой, которую я опишу дальше. Я осведомлялась у разных лиц, которых Господь наш удостоил при молитве этой замечательной милости,

этого святого восхищения, сопровождающегося перерывом в деятельности сил души и во время которого они уже не владеют сами собой, о чем легко судить по их внешнему виду. Так вот, я заметила, что когда их спрашивают о том, что они тогда испытывают, они не в состоянии это сказать. Они не умели и не могли понять что бы то ни было в этом действии любви. Что легко можно установить по следствиям, в частности, по добродетелям, по живой вере и по презрению к миру сему, которыми они после этого оказываются обогащенными; это — невообразимые преимущества, получаемые душой от такой милости. Но каким образом получили они эти блага и каким сокровищем воспользовались - этого не знают. Только вначале отдают себе отчет в том, как это крайне сладостно. Таким образом, ясно, что это и есть то самое, что хочет выразить Супруга. Премудрость Божья замещает здесь бессилие души, и он сам располагает все так, чтобы она обогащалась во время этих огромных милостей.

Как мы должны по примеру Пресвятой Богородицы подчинять свой рассудок тайнам Божьим при милостях, им нам даруемых.

Когда душа вне себя и так глубоко поглощена, что не в состоянии произвести какое бы то ни было действие своих сил, как может она стяжать какие-либо заслуги? А с другой стороны, возможно ли, что Бог дарует ей такую великую милость для того, чтобы она теряла свое время и не приобретала ничего? Нельзя в это поверить. О Божественные тайны! Здесь нам остается только покорить свои умы и сказать самим себе, что они неспособны проникать в дивные дела Господни. Также полезно нам вспомнить, как вела себя Владычица наша Богородица, та, которая была столь преисполнена мудрости. Когда она спросила ангела: "Как будет это?" (Еванг. от Луки, гл. 1, ст. 34) и получила от него ответ: "Дух Святой найдет на тебя, и сила Всевышнего осенит тебя" (ст. 35), она больше уже не старалась рассуждать. При своих столь высоких вере и мудрости, она сразу же поняла, что когда действуют обе эти силы, нет больше места для вопрошаний или сомнений. Не так поступают некоторые богословы, которых Бог не ведет молитвенным путем этого рода и у которых нет ни малейшего представления о духовной жизни: им хочется ввести повсюду столько методичности и так удачно приспособить все к мерке их ума, что воистину кажется, что своей наукой они возьмут да и охватят все дивные дела Божьи. О, если бы они хоть немного научились смирению Пресвятой Девы! О Владычица моя! Какое совершенное объяснение даешь ты нам о том, что происходит между Богом и Супругой, согласно словам "Песни песней"! Впрочем, вы можете видеть, дочери мои, сколько антифонов и чтений, извлеченных из этой книги, содержится в Богородичной службе, еженедельно совершаемой нами. Каждый может применить это к душам в меру того, как просвещает его Бог, и ясно узнать, получил ли он сам некоторые милости, соответствующие словам Супруги: "Знамя его надо мною - любовь".

Дивные действия, совершаемые Богом в душе через восхищение любовью.

По выходе из этого состояния души не знают, где они были, как они, при таком высоком блаженстве, угодили Господу и что они делали, ибо они даже не воздали ему благодарения за такую милость. О душа, любимая Богом! Не огорчайся. Раз уж его Величие возносит тебя на такую высоту и обращается к тебе с такими нежными словами как те, которые он часто говорит Супруге в "Песни песней", как, например: "Вся ты прекрасна, возлюбленная моя" (гл. 4, ст. 7) и еще другие, которыми он свидетельствует ей, насколько она угодна ему, то следует думать, что он не допустит тебя стать неугодной ему в такое мгновение и сам заместит то, чего ты не можешь сделать, чтобы еще более удовлетвориться тобой. Супруг видит, что эта душа полностью потеряла себя самое и вне себя от желания его любить. Он видит, что сама страстность его любви лишила ее способности пользоваться своим рассудком, чтобы она могла больше любить его: после

этого, как мог бы он сдерживаться? Его Величие не имеет обыкновения отказывать в себе тому, кто полностью отдается ему, и это было бы даже ему невозможно. Здесь, мне кажется, Бог накладывает эмаль на золото, которое он уже приготовил своими дарами и к которому прикасался тысячью способов, — что может засвидетельствовать душа, — чтобы узнать качество ее любви к нему. Душа, являющаяся этим золотом, о котором я говорю, остается в это время такой же неподвижной и бездейственной, как материальное золото. Тогда Божественная Премудрость, удовлетворенная ее постоянством, — ибо мало есть таких, которые любят ее такой сильной любовью, - вставляет в это золото множество драгоценных камней и роскошно обработанной эмали.

Продолжение достойных восхищения дивных действий Божьих в душе, удостоившейся экстаза любви, и о том, как Бог распределяет свои милости по своим тайным предназначениям.

О истинный Царь! Как права была Супруга, называя тебя так! В одно мгновение ты можешь даровать богатства и поместить их в душе с тем, чтобы она пользовалась ими навеки. И отныне как дивно любовь упорядочена в ней! Я могу об этом говорить со знанием дела, потому что видела несколько душ, осчастливленных таким образом... Так как я написала выше, что немногие души получают от Господа нашего эти милости, не пройдя через долгие годы страданий, я считаю важным отметить, что есть иные, с которыми происходит обратное. Нельзя ставить пределы такому великому Властелину и столь желающему расточать благодеяния. Вот что происходит почти всегда, когда Господь удостоивает душу своих милостей, но для этого нужно, чтобы то были подлинные милости Божьи, а не самообман, не меланхолия и не капризы нашей природы, что обнаруживается со временем. Впрочем, время открывает также и подлинные милости, ибо добродетели оказываются такими крепкими и любовь такой пламенной, что они не могут пройти незамеченными, и эти люди, сами того не желая, становятся полезными ближнему своему. Согласно слову: "Царь вознес надо мною знамя свое — любовь" (см. Песнь песней, гл. 2, ст. 4), эта Божественная любовь оказывается столь упорядоченной в такой душе, что она избавляется от испытывавшейся ею ранее любви к миру сему, а та любовь, которую она питала к себе самой, превращается в ненависть, близких же ей людей она любит уже только во имя Бога. Что же касается любви, которую она питает к ближнему своему и к своим недругам, то невозможно составить себе представление о ней, если не изведать ее на собственном опыте. А та, которой она пламенеет к Богу, так горяча, безмерна и порой так превосходит ее природную слабость, что, чувствуя упадок сил и почти уже лишаясь жизни, она восклицает: "Подкрепите меня вином, освежите меня яблоками, ибо я изнемогаю от любви" (Песнь песней, гл. 2, ст. 5).

Глава 7. - Святая Тереза толкует слова "Подкрепите меня вином, освежите меня яблоками, ибо я изнемогаю от любви". - О великих желаниях, испепеляющих душу, восхищенную Божественной Любовью.

О, какой божественный слог для предмета, о котором я говорю! Как, святая Супруга? Ты при смерти от сладости, - и в самом деле, я слыхала, что эта сладость бывает порой такой чрезмерной, что испепеляет душу и словно лишает ее жизни, — и ты просишь вина? Что это может быть за вино? Это никак не средство против твоего недуга, если только ты не просишь его для того, чтобы довести до конца свое умирание, - и правду сказать, когда душа дошла до этого, она ничего другого и не желает. Но нет, не таков смысл слов Супруги, так как она говорит: "Подкрепите меня вином". А просить поддержки, как мне кажется, совсем не то, что просить смерти, это означает желание жить, чтобы немножко потрудиться для того, кому чувствуешь себя обязанной столь многим. Не думайте, дочери мои, что преувеличенно говорить, что душа при смерти. Еще раз, это происходит

действительно так. Любовь действует иногда с такой напряженностью, что лишает нас всех природных сил. Я знаю человека, который, оказавшись однажды в таком молитвенном состоянии, услышал пение прекрасного голоса. Так вот, он уверяет и сам убежден, что если бы пение не прекратилось, его душа отделилась бы от тела, от избытка счастья и сладости, которые дал ему ощутить Господь наш. Его Величие позаботилось о том, чтобы певший остановился, ибо тот, кто находился в этом витающем состоянии, действительно мог умереть, но не был в силах произнести ни одного слова, чтобы прервать это пение. И действительно, все его внешнее существо было полностью поражено бессилием и неподвижностью. Опасность, которой он подвергался, была ему очевидна. Но подобно человеку, которому в глубоком сне снится опасность, от которой он хотел бы ускользнуть, он, несмотря на все свои усилия, не был в состоянии произнести ни одного слова.

Под влиянием Божественной Любви душа чувствует влечение к страданию и к труду для Бога и ближнего.

Душа здесь не желает избегать смерти. Умереть ей было бы не мучительно, но очень приятно, - это именно то, чего она желает. О блаженная смерть, та, которую мы приняли бы от руки такой любви! Все же иногда его Величие лучом света показывает душе, что ей подобает жить. И она, видя что если бы это счастье продолжалось долго, у нее не было бы сил его выносить, со своей стороны просит у Бога иного счастья, которое вывело бы ее из этого, чрезмерного. Она и говорит: "Подкрепите меня вином". А у этого вина запах совсем другой, чем запах вина, который мы вдыхаем здесь на земле. Я думаю, что в этом месте душа просит дать ей свершить что-либо великое для служения Господу и ближнему, — за это она с радостью отказывается от этого блаженства и сладости. Правда, то, чего она просит, относится больше к активной жизни, чем к жизни созерцательной, и если она это получает, то кажется, что она от этого терпит урон. А между тем в этом новом состоянии Марфа и Мария почти всегда идут вместе, потому что во время действия и среди того, что кажется внешним, действует внутреннее. К тому же активные дела, когда они вырастают из такого превосходного корня, представляют собой великолепные и дивно благоухающие цветы. Дело в том, что они происходят от дерева Божественной Любви и совершаются для одного только Бога, без всяких побуждений личной корысти. Благоухание этих цветов распространяется далеко, на пользу очень многим. Кроме того, это устойчивое благоухание: его чувствуют долгое время, и оно производит великие следствия.

О бескорыстии душ, вознесенных к единству с Богом в любви.

Хочу объяснить подробнее, чтобы вы вполне поняли меня. Проповедник произносит проповедь. Он стремится к благу душ, но он не так полно освободился от человеческой выгоды, чтоб у него не было некоторого желания нравиться, добиваться почета и доверия: возможно даже, что благодаря своему проповедническому дарованию он имеет право желать какой-либо доходной церковной должности. То же я скажу и о многих других делах, совершаемых для общего блага ближних. Имеют благое намерение, но в то же самое время прилагают величайшее старание ничего при этом не потерять самим и не перестать нравиться. Боятся гонений, дорожат добрыми отношениями с королями, с вельможами и с народом. Словом, сохраняют ту сдержанность, которую мир так громко одобряет, но в которой между тем таится немало несовершенств из-за самого названия сдержанности, которое ей дается. И дай Бог, чтобы она его заслуживала! Несомненно, те, кто так поступает, служат его Величию и делают много добра, но, по-моему, это еще не те дела и не то вино, которых просит Супруга. Чтобы их произвести, нужно иметь в виду единственно честь и славу Божью во всем. И воистину, те души, которых Господь довел досюда, — как по крайней мере я наблюдала у нескольких, — помнят о себе самих не

больше, чем если бы их вовсе и не существовало. Они не задумываются, предстоит ли им выиграть или проиграть, — думают они только о том, чтобы служить и угождать Господу. Зная всю его любовь к тем, кто служит ему, они с радостью лишают себя личных удовлетворений и преимуществ, чтобы угодить ему самому, применяя свои силы в служении своим братьям и как можно лучше говоря им об истинах, полезных для их душ. Повторяю, они нисколько не думают о том, проиграют ли при этом они сами. Продвижение ближнего — вот что стоит у них перед глазами и больше ничего. В своем желании быть более угодными Богу они забывают о себе самих, чтобы думать только о служении другим, и они готовы умереть от труда, как сделали это столько мучеников. Их слова дышат только этой столь возвышенной любовью к Богу. Опыянные этим небесным вином, они не думают о том, что могут не понравиться людям, а если эта мысль и приходит им, то она не задевает их нисколько. Такие души творят огромное добро.

Прекрасный пример самарянки, которую Господь воспламенил любовью к ближнему.

Сколько раз думала я об этой евангельской святой самарянке (см. Еванг. от Иоанна, гл. 4), которая сейчас опять вспоминается мне. О как, должно быть, ее ранило жало, омоченное таким соком! И как хорошо приняла она в свое сердце слова Господа нашего, раз она покидает его самого для пользы и блага своих сограждан! Как ясно ее поведение дает понять то, что я говорю! В награду за такую великую любовь она заслужила того, чтоб ей поверили и чтоб затем увидеть великое благо, содеянное Господом нашим этому городу. Одна из живейших радостей, какие можно испытать здесь на земле, должна, как мне кажется, заключаться в том, чтобы увидеть, что мы полезны душам. Тогда-то, по моему мнению, и едят вкуснейший плод этих цветов. Блаженны те, кого Господь удостоивает таких милостей! На них ложится непреложная обязанность ему служить. Посмотрите на нее, эту святую женщину, божественно опыяненную, снующую по улицам с громкими возгласами! Что до меня, то я восторгаюсь тем, что поверили женщине, к тому же еще и занимавшей скромное положение — раз она ходила черпать воду. Но как велико было ее смирение! Когда Господь наш открыл ей ее провинности, она вместо того, чтобы обидеться, как делают в теперешнем мире, где истины принимаются с таким трудом, сказала ему, что он, конечно, пророк. В конце концов ее свидетельство было принято, и по одному ее слову множество людей вышли из города, направляясь к Господу.

Жажда самопожертвования во славу Божью и во спасение душ, вызываемая единением с Богом.

Повторяю, приносят обильный плод те, кто, проведя несколько лет в беседе с его Величием, сподобился этих утешений и блаженств и согласился служить ему в тяжелых обстоятельствах, притом в ущерб собственному блаженству и уладам. Повторяю, эти цветы добрых дел, зачатые и произведенные деревом очень ревностной любви, благоухают намного дольше других: одна единственная из этих душ делает своими словами и своими делами больше добра, чем множество других, у которых слова и дела оказываются оскверненными прахом чувственности и личной корысти. Вот цветы, которые приносят плоды, те плоды, о которых Супруга говорит сразу же: "Освежите меня яблоками". Пошли мне испытания, Господи, дай мне быть гонимой. Она искренне желает этого и выходит из этого с пользой. Так как она имеет в виду уже не свое личное удовлетворение, но угождение Богу, все ее удовольствие состоит в том, чтобы воспроизвести в чем-либо ту очень страдальческую жизнь, которую вел на земле Иисус Христос. Под яблоней, о которой здесь говорится, я понимаю древо креста, ибо Супруг говорит в другом месте "Песни песней": "Под яблоней разбудил я тебя" (см. гл. 8, ст. 5). Для души же, обычно пользующейся уладами созерцания, великое облегчение — быть окруженной крестами и гонениями. Она находит живейшее удовольствие в страдании,

помимо того, что страдание не истощает ее и не разрушает ее силы, как то делает, думаю я, приостановка деятельности сил души при созерцании, когда оно бывает слишком часто. Впрочем, душа права, высказывая эту просьбу, ибо не подобает постоянно лишь наслаждаться, никогда не трудясь и не страдая. Вот что я внимательно наблюдала у немногих людей, ибо, увы, по грехам нашим, подобные души малочисленны. Чем дальше они продвигаются в этой молитве и чем более Господь наш осыпает их утешениями, тем более они заняты нуждами ближнего, в особенности нуждами душ. Чтобы оторвать хоть одну из них от смертного греха, они, по-видимому, были бы готовы многократно отдать свою жизнь.